

ПРОЛЕТАРИИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
HARVARD COLLEGE LIBRARY

BOUGHT FROM
DUPLICATE MONEY

ЛИСТОКЪ

FEB. 13 1940

„РАБОТНИКА“

Выходитъ непериодически.

XТ/6(4)

Издание „Союза Русскихъ Соціалдемократовъ“

№ 6

ФЕВРАЛЬ 1898 г.

№ 6

Еще разъ о циркуляре министра внутреннихъ дѣлъ.

Подъ этимъ заглавиемъ мы перепечатываемъ предисловіе „Группы рабочихъ революціонеровъ“ къ изданіому ею въ Россіи министерскому циркуляру. Предисловіе это особенно цѣнно потому, что выражаетъ отношеніе нашихъ передовыхъ рабочихъ къ политикѣ правительства въ „рабочемъ вопросѣ“ и въ общемъ вѣрно характеризуетъ эту послѣднюю.

Успленный ростъ рабочаго движенія не даетъ покоя нашему правительству. Всѣмп сплами оно старается затормозить это движеніе и... доказываетъ только свое безсиліе. Такого рода доказательствомъ послужилъ недавно пзданый законъ объ ограниченіи рабочаго дня. Правительство, желая одновременно угодить буржуазіи и уменьшить поводы къ неудовольствіямъ рабочихъ, создало законъ, значеніе котораго для рабочихъ сводится къ нулю. Но поэтому же самому значеніе его сводится къ нулю и для правительства. Трудно угодить и волкамъ, и овцамъ, тѣмъ болѣе, когда овцы совсѣмъ не думаютъ смиренno ждать, пока правительство возьмется за улучшеніе ихъ положенія.

Правительство, очевидно, и само не расчитываетъ на успѣхъ новаго закона, оно само не надѣется, чтобы рабочие увѣровали въ его добрыя намѣренія, и вотъ *секретно* оно рекомендуетъ другого рода средство для борьбы съ рабочими.

Предлагаемый ниже вниманию рабочихъ секретный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ показываетъ, что средства эти далеко не новы, и надо полагать, что успѣхъ ихъ будетъ таковъ же, каковъ былъ до сихъ поръ.

Ростъ рабочаго движенія нельзя остановить тѣми самыми мѣрами, которыя не могли помѣшать его первоначальному развитію. И если правительство, въ поискахъ за новыми мѣрами, находитъ только старое, то это лишній разъ показываетъ его бесплѣе въ борьбѣ съ растущимъ рабочимъ движеніемъ.

Ново въ этомъ циркуляре только то откровенное безстыдство, съ какимъ министръ излагаетъ мотивы, почему онъ рекомендуетъ направить дѣла о стачкахъ не къ судебной власти, какъ полагается по закону, а къ жандармеріи. Считая вообще излишнимъ комментировать министерскій циркуляръ, мы сочли только нужнымъ подчеркнуть это безподобное мѣсто въ назиданіе нашей либеральной печати, которая, съ назначеніемъ г. Горемыкина министромъ внутреннихъ дѣлъ, возлагала особыя надежды на воцареніе законности въ этомъ министерствѣ.

Для насъ рабочихъ этотъ циркуляръ не является чѣмъ-то неожиданнымъ. Мы никогда не возлагали никакихъ надеждъ на ту или иную перемѣну въ составѣ министровъ. Кто бы ни былъ данный министръ, бывшій ли министръ или бывшій полицейскій, разъ онъ поступаетъ на службу къ самодержавію, онъ неизбѣжно вступаетъ съ нами въ борьбу и будетъ бороться только тѣми средствами, какія въ состояніи дать самодержавіе. Средства же эти всегда одни и тѣ же: насилие, насплѣе и опять таки насилие.

Но насилие — это палка о двухъ концахъ, и если всякое насплѣе давитъ рабочаго, то съ другой стороны оно вліяетъ на ростъ самосознанія среди рабочихъ, открывая имъ глаза на дѣйствительное отношеніе къ нимъ правительства.

Надѣемся, что опубликованіе секретнаго циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ не мало будетъ способ-

ствовать росту этого самосознанія, что равносильно росту нашихъ силъ въ борьбѣ со всяkimъ насилиемъ.

ПО РОССИИ

Петербургъ, октябрь 1897 г. — Весной взята была часть типографіи и забрано много народа. Аресты продолжались и лѣтомъ. Въ концѣ мая въ Саратовѣ арестовано 10 человѣкъ и захвачена типографія. Въ августѣ и въ Новгородѣ взята была типографія и 16 чел. Въ Нарвѣ въ августѣ арестовано 5 чел. Среди арестованныхъ много рабочихъ. Теперь начинаютъ объявлять приговоры по прежнимъ дѣламъ. Большая частьсылается въ Восточную Сибирь на 3-5 лѣтъ.

Петербургъ, октябрь 1897 г. — На Митрофаньевской мануфактурѣ въ субботу 11-го и понедѣльникъ 13-го октября забастовали 500 ткачей. Требовали повышения расценки. Теперь вырабатываютъ въ среднемъ 60 коп. въ день. Обѣщали разсмотрѣть, и рабочие опять стали на работу.

Москва, апрѣль 1897 г. — Здѣсь недавно была стачка на фабрикѣ Шлихтермана, поводомъ къ которой послужило слѣдующее обстоятельство. У хозяина дѣла пошли плохо, и онъ задумалъ разсчитать рабочихъ до срока; на первой недѣлѣ поста въ пятницу имъ было объявлено, что черезъ двѣ недѣли всѣ будутъ отпущены и работы прекращены. Поступая такъ, хозяинъ, очевидно, нарушилъ фабричный законъ: рабочие были имъ напяты на срокъ опредѣленный, и отпускать ихъ онъ не имѣлъ никакого права. Нечего удивляться, что рабочие возмущились и прекратили работу. Тотчасъ же на фабрику явилась полиція съ полиціймайстеромъ Будбергомъ во главѣ. Послѣдній усердно принялъ возстановлять порядокъ. Онъ сталъ вызывать по десятку рабочихъ въ контору, чтобы заставить каждого отдельно

согласиться на новые условия. Но тѣ поняли, въ чёмъ тутъ дѣло, и наотрѣзъ отказались идти. Непослушаніе забастовщиковъ взорвало Будберга, и онъ со сворою городовыхъ ворвался въ спальню рабочихъ и сталъ насильно тащить ихъ въ контору. Произошла суматоха, во время которой брошенный кѣмъ-то кирпичъ проломилъ голову полицейскому. Тутъ уже всякия церемоніи были брошены въ сторону, появились войска, нагайки, человѣкъ до 200 арестовали, остальныхъ принудили взять разсчетъ. Изъ арестованныхъ въ послѣднее время большинство выпущены. Какъ видите, „безпорядки“ въ данномъ случаѣ были начаты самой полиціей.

Но подобные случаи составляютъ здѣсь рѣдкое явленіе. Обыкновенно стачки носятъ болѣе мирный характеръ. Такъ прошелъ цѣлый рядъ столкновеній рабочихъ съ хозяевами на машиностроительныхъ заводахъ изъ-за сокращенія и болѣе удобнаго распределенія рабочаго времени. Вмѣшательство полиціи, если здѣсь и было, то развѣ въ видѣ арестовъ рабочихъ, заподозрѣнныхъ въ принадлежности къ „Рабочему Союзу“ или въ распространеніи прокламаций. Въ большинствѣ случаевъ требования рабочихъ были удовлетворены: мѣстами даже безъ прекращенія работъ. Изъ стачекъ, произошедшихъ за послѣднее время, упомянемъ слѣдующія:

Въ началѣ поста рабочие на чулочной фабрикѣ Сенцова — числомъ около 300 — потребовали повышенія задѣльной платы и сокращенія рабочаго времени; черезъ три дня ихъ требованія были удовлетворены. — Въ концѣ третьей недѣли забастовали рабочие пуговичной фабрики (около 200 чел.), требуя платы за прогулочные дни. Инспекторъ, къ которому ходили выборные отъ забастовщиковъ, заставилъ хозяина исполнить ихъ требованіе. — Въ субботу на четвертой недѣлѣ было небольшое волненіе въ мастерскихъ Рязанской жел. дор. Здѣсь, послѣ январскаго приказа министра путей сообщенія о субботнемъ рабочемъ днѣ, администрація дороги, боясь столкновеній съ рабочими мастер-

скихъ, которые издавна славятся въ Москвѣ умѣніемъ отстаивать свои интересы, поспѣшила ввести у себя сокращенный рабочій день по субботамъ. Но новое правило осталось только на бумагѣ; рабочихъ каждую субботу заставляли работать добавочные часы. На этотъ разъ отказались сначала рабочіе столярного цеха, затѣмъ къ нимъ присоединились и другія мастерскія. Рабочіе добились своего, на долго-ли, неизвѣстно. Въ малярномъ цехѣ рабочіе, кромѣ того, потребовали, чтобы имъ на руки была выдана расценочная книга; а то теперь мастеръ сильно злоупотребляетъ ихъ невѣдѣніемъ, вслѣдствіе чего заработки въ этомъ цехѣ гораздо ниже, чѣмъ въ другихъ. Начальникъ дороги обѣщалъ исполнить и это требованіе.

Москва, 22-го ноября. — Съ 7-го на 8-е ноября здѣсь былъ погромъ студентовъ; сначала говорили, что взяли больше 50 студентовъ, но, кажется, цифра эта преувеличена, и взято не болѣе 30. Аресты и обыски продолжались и слѣдующія ночи; обвиняютъ въ „принадлежности къ студенческой организаціи“. Взяты люди большою частью между собой познакомые. Вызванъ погромъ воззваніемъ „Союзного Совѣта“ о повтореніи прошлогоднихъ беспорядковъ; этого повторенія заставляли бояться также беспорядки въ Кіевѣ (тамъ, говорятъ, жандармы убили на допросахъ студента, результатомъ чего и были беспорядки), въ Одессѣ, въ Варшавѣ. Въ Варшавѣ беспорядки были вызваны празднованіемъ по поводу постановки памятника Муравьеву и холуйскимъ отношеніемъ къ этому нѣкоторыхъ профессоровъ. Варшавскіе студенты издали письмо по этому поводу къ студентамъ другихъ университетовъ; письмо это съ какимъ-то реакціоннымъ комментаріемъ появилось въ газетѣ „Свѣтъ“. Но комментарій не спасъ, и газета получила предостереженіе.

Какъ видите, кругомъ лѣсь рубить, а къ намъ щенки летить. Воззваніе было въ общихъ словахъ, довольно слабое, и беспорядковъ, вѣроятно, не воспользовало

бы. Но начальство быстротой и натискомъ хочетъ, должно быть, снискать сугубыя награды къ прадникамъ. Ведется это дѣло, по примѣру прошлогодняго студенческаго, ускореннымъ маузеромъ, такъ что изъ Охраннаго, минуя всѣ промежуточныя пистанціи, перейдетъ на утвержденіе М. В. Д. Въ прошломъ году приговоры были очень суровые: исключеніе изъ университета и ссылка въ Архангельскую, Вологодскую, Вятскую губ. на 2, 3 и даже 4 года. — Большинство схвачено зря, не понимая даже, за что.

Въ Петербургѣ кончилось дѣло по народовольческой типографіи. Бѣлявскому 2 года отсидки и 8 лѣтъ Вос. Спб., Іогансонъ — тоже; Шулятиковой (выдавала) 5 лѣтъ Вост. Сиб. Остальнымъ — непрѣдѣльно. Такъ какъ дѣло длилось полтора года, то осталось сидѣть еще съ полгода (предварительное зачислена). На дняхъ, говорятъ, высылаемые будутъ отосланы сюда. Тюрьмы переполнены. Одна помощь беретъ страшно много средствъ и силъ. Многіе рабочіе съ семьями высланы до окончанія дѣла; ихъ безъ паспорта никуда не берутъ, — приходится помогать.

Москва, 21-го октября. — Съ 7-го на 8-ое октября были потребованы телеграммой войска на фабрику Винкулы Морозова въ Орѣхово-Зуевѣ. Тамъ началось со стачки прядильщиковъ, сперва мирной, затѣмъ, непрѣдѣльно по какимъ поводамъ, перешедшей въ „бунтъ“ противъ начальства: директора побили, и онъ бѣжалъ; бѣжалъ и еще кое-кто изъ служащихъ. Рабочіе принялись громить и поджигать ихъ квартиры. Между прочимъ, сожгли квартиру одного мастера.

Москва, январь 1898 г. — Здѣсь была недавно двухдневная удачная стачка на фабрикѣ Гюбкера. Забастовали потому, что расцѣнокъ на слѣдующій годъ сдѣлали по разсчету за одинъ декабрь, когда расцѣнки пизки. Фабричный инспекторъ разяснилъ, что расцѣнки должны выводиться не меньше, чѣмъ за полгода, и рабочіе добились своего. Фабрика эта бумаготкацкая, рабочихъ около 3000 человѣкъ.

Въ **Иваново-Вознесенскѣ** уже съ 23-го декабря длится грандіозная стачка на всѣхъ (за исключениемъ 2-хъ) тамошнихъ фабрикахъ. Число забастовавшихъ достигаетъ до 30.000 чел. Поводъ забастовки — разлѣнья прижимки и несправедливости хозяевъ, — на каждой фабрикѣ нашлись свои, — и потому забастовка на первой фабрикѣ немедленно повлекла за собой забастовку на всѣхъ остальныхъ. На нѣкоторыхъ главною причиной было исключеніе изъ числа не-рабочихъ дней нѣкоторыхъ праздниковъ. По этому поводу на воротахъ одной фабрики появилось очень талантливое изображеніе двухъ святителей: Николая Чудотворца и Иоанна Крестителя; за ними былъ нарисованъ во весь ростъ хозяина фабрикѣ съ помеломъ въ руки. Подпись: Менодій Гарелинъ изгоняетъ святыхъ угодниковъ со своей фабрики. — Въ Иваново стянуто порядочно войскъ, но забастовщики держатся спокойно и выдержанно, такъ что ни къ какимъ насилиямъ прибѣгнуть не удается.

Намъ пишутъ обѣ окончаніи этой стачки:

Ивановская стачка продолжалась двѣ недѣли и кончилась частичнымъ успѣхомъ: прибавили число праздниковъ и вернули угодниковъ на фабрику Гарелина. Сократили также число часовъ работы наканунѣ праздниковъ. Рабочіе держались очень дружно и стойко, несмотря на то, что не только не были разрѣшены никакія собранія, но разъ на улицѣ собиралось нѣсколько человѣкъ, ихъ тотчасъ же разгоняли. Войскамъ положительно не представлялось случая проявить себя хоть мелочью. Между прочимъ, произошелъ слѣдующій характерный курьезъ. При введеніи нового закона на одной фабрикѣ не были повышены расцѣнки, и вслѣдствіе этого, заработокъ уменьшился. Фабрикантъ толковалъ, что это — дѣло правительства, издавшаго такой законъ. Рабочіе порѣшили подать просьбу обѣ отмѣнѣ нового закона. Написали, по указанію фабриканта, прошеніе, но потомъ, когда оно было у нихъ въ рукахъ, прибавили еще и на фабриканта разныя жалобы. Непрѣдѣльно только доподлинно, послали ли его. — Стояли

тамъ все фабрики и одинъ заводъ. Стачечниковъ было около 30.000 человѣкъ.

ПИСЬМО КО ВСѢМЪ КІЕВСКИМЪ РАБОЧИМЪ.

Товариши! Между рабочими и хозяевами вездѣ, гдѣ они существуютъ, идетъ постоянная, непримиримая вражда. Хозяева всегда заботятся лишь о томъ, какъ бы удлинить рабочій день, какъ бы сократить заработную плату и этимъ увеличить свои барышы, а рабочимъ, наоборотъ, выгодно и необходимо имѣть гораздо болѣе отдыха и болѣе заработка, чѣмъ имѣютъ теперь. И фабриканты, и рабочіе всячески стараются добиться своей цѣли. Въ началѣ борьбы, пока у рабочихъ нѣтъ еще достаточно опыта и пониманія своего дѣла, выигрышъ обыкновенно остается на сторонѣ хозяевъ. Однако у рабочихъ есть одно могущественное средство — союзъ. Пока каждый изъ рабочихъ въ одиночку добивается для себя какихъ-либо уступокъ, то его, очевидно, и слушать не станутъ. Когда же всѣ рабочіе какой-нибудь фабрики или мастерской вмѣстѣ потребуютъ сокращенія рабочаго времени или пониженія платы, капиталисты, т. е. хозяева заводовъ и фабрикъ, становятся уступчивѣ и внимательнѣе: они вынуждены исполнягь требованія рабочихъ, если не хотятъ вывести ихъ изъ терпѣнія и вызвать на время забастовку, лишающую фабрикантовъ барыша. Что единственная, но за то не преодолимая сила рабочихъ — союзъ, въ этомъ раньшѣ или позже долженъ убѣдиться всякой рабочій. Чѣмъ рабочіе развитѣе, смыслинїе, сознательнѣе, тѣмъ лучше они понимаютъ, что имъ нужно объединиться и стоять всѣмъ за каждого и каждому за всѣхъ. Заграничные рабочіе и работницы — англійскіе, бельгійскіе, германскіе, французскіе, давно уже поняли это и успѣли многаго добиться своимъ единодушіемъ. Русскіе рабочіе въ этомъ отношеніи сильно отстали отъ своихъ заграничныхъ товарищѣй. Тѣмъ не менѣе, притѣсненія и лишенія ихъ научили искать защиты отъ хозяевъ въ союзѣ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ во всѣхъ большихъ русскихъ городахъ рабочіе начинаютъ дружно заявлять притѣснителямъ-капиталистамъ свои требованія, грозить имъ оставленіемъ работы и устраивать стачки, и эгимъ они принудили фабрикантовъ не къ одной уступкѣ. Киевскіе рабочіе и работницы стали сознательнѣе и дружнѣе стоять за свое дѣло всего какихъ-нибудь два года. Ст, емленіе кievскихъ рабочихъ облегчигь свое положеніе стало особенно замѣтно за послѣдній годъ. За это время у насъ въ Киевѣ произошли такія события, о которыхъ знать и подумать слѣдуетъ всякому рабочему.

Борьба рабочихъ за лучшую жизнь у насъ началась недавно, и все-таки рабочимъ нѣкоторыхъ заводовъ, гдѣ они дѣйствовали смѣлѣ и дружнѣе, удалось добиться уступокъ. Стачкой-ли, угрозой, единодушнымъ заявлениемъ требованій или однимъ выраженіемъ недовольствія рабочіе достигли нѣкоторыхъ измѣненій къ лучшему:

на заводѣ Графа, на мастерской Рожнецкаго, на мебельной фабрикѣ Кинаера, на табачной фабрикѣ Когэна, на заводѣ Гретера, на южнорусскомъ машиностроительномъ заводѣ, на корсетной фабрикѣ Дютуа, на заводѣ Шиманскаго, у Людмера, Кравеца, Хмельницкаго, Глозмана и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Одни хозяева вынуждены были сократить число рабочихъ часовъ, другіе — повысить плату, третьи — ввести правильную расплату, возвратить беззаконно удержаныя деньги и уменьшить несправедливо взимаемые штрафы. Нѣкоторыя изъ этихъ уступокъ были незначительны, но для рабочаго дѣла онѣ очень важны: онѣ показали, какъ трепетъ на фабрикантовъ, мастеровъ и фабричного инспектора наводятъ объединенные рабочіе.

Всѣ эти события указываютъ на то, что и въ Киевѣ рабочіе, по примѣру Петербурга, Москвы и заграничныхъ городовъ, поднимаются на защиту своихъ правъ противъ капиталистовъ. Число рабочихъ, понимающихъ необходимость бороться общими силами противъ врага, число сознательныхъ рабочихъ растетъ изо дня въ день. Болѣе толковые рабочіе учать менѣе сознательныхъ товарищѣй. Запрещенные (нелегальные) книжки, описывающія жизнь и борьбу заграничныхъ рабочихъ и указывающія путь къ лучшей жизни русскимъ рабочимъ, читаются на-расхватъ. Наконецъ, въ послѣднее полугодіе на фабрикахъ и заводахъ стали появляться листки, напоминающіе рабочимъ про несправедливыхъ фабрикантовъ и убѣждающіе ихъ требовать уступокъ. Эти листки (прокламаціи), издаваемы **кіевскимъ рабочимъ комитетомъ и кіевскимъ союзомъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса**, до сихъ поръ были распространены болѣе, чѣмъ на 25 кievскихъ фабрикахъ и заводахъ. Во многихъ мѣстахъ они появлялись по нѣсколько разъ. Кроме листковъ, на нѣкоторыхъ заводахъ были распространены и книги, въ которыхъ говорилось о рабочемъ дѣлѣ. Листки находили на улицахъ, на фабричныхъ дворахъ и на базарахъ; ихъ наклеивали на телеграфныхъ столбахъ и на заборахъ. Всѣхъ ихъ было распространено 6.500 экз. 6.500 разъ они призывали рабочихъ къ борьбѣ за свои права, за лучшую жизнь. Этотъ призывъ разнесся по всему почта Кіеву, и теперь у насъ немнogo найдется такихъ рабочихъ, которые не читали листковъ, но крайней мѣрѣ, не слыхали о нихъ.

Усиливается стремленіе кievскихъ рабочихъ къ лучшей жизни, растетъ и крѣпнетъ рабочее движение въ Кіевѣ. Оно возрастало бы еще быстрѣе, еслибы рабочіе принимались за свое дѣло съ большою смѣлостью. Но у нихъ не всегда хватаетъ рѣшительности заявить свои требованія или стачкой добиться исполненія ихъ. Рабочихъ часто смущаетъ то, что имъ приходится имѣть дѣло не съ одними фабрикантами, но и съ ихъ сильными защитниками и помощниками — съ правительствомъ. Въ борьбѣ рабочихъ съ капиталистами, полиція и жандармерія, фабричные инспекторы и министры, судъ и войско, — однимъ словомъ, все правительство всегда на сторонѣ фабрикантовъ и всегда противъ рабочихъ. Для кого это не

совсѣмъ было понятно, того легко въ этомъ могутъ убѣдить недавнія киевскія событія.

Съ появлениемъ листковъ жандармы стали требовать рабочихъ на допросы, пытаясь узнать, кто прінесъ листки, кто подбросилъ ихъ, что говорили читавшіе ихъ. Нѣкоторыхъ рабочихъ подвергали аресту, надѣясь тюрьмой добиться отъ нихъ указаній относительно распространителей листковъ. Въ истекшее полугодіе было арестовано около 30 рабочихъ. Такъ какъ они могли сказать только то, что нашли или видѣли листки, то ихъ, продержавъ одинъ или два дня въ тюрьмѣ, освобождали. Лишь нѣсколькоимъ рабочимъ пришлось сидѣть болѣе. Чтобы узнать, кто подбрасываетъ листки, полиція сдѣлала у рабочихъ болѣе 40 обысковъ. Но и обыски не помогли найти виновниковъ....

Жандармскому генералу и полицейскимъ мало дѣла до того, что рабочимъ плохо живется, что ихъ грабятъ и обзываютъ. Но и жандармы, и полиція сразу всполошились, когда замѣтили, что рабочіе могутъ потребовать лучшіхъ условій и тѣмъ уменьшить доходы капиталистовъ. Они стали разыскивать страшныхъ преступниковъ, осмѣлившихся напомнить рабочимъ про постоянныя обиды и грабежи и призвать ихъ къ борьбѣ съ безсовѣстной эксплуатацией (обираніемъ). Они хотѣли наказать ихъ и отучить рабочихъ отъ всякой мысли о борьбѣ за лучшую жизнь. „Я тюрьмой вышибу у рабочихъ изъ головы эти мечтанія“, оралъ однажды передъ „преступниками“ жандармскій генераль. Ни онъ, ни полиція не стараются скрыть того, что они защищаютъ только хозяйскіе интересы и въ обиду хозяйстваго кармана дать не хотятъ. У фабрикантовъ деньги, а деньги — такая сила, передъ которой преклоняется и державное начальство. Обыскать рабочаго, какъ преступника, арестовать его, продержать безъ вины въ тюрьмѣ, — все это готовы сдѣлать полиція и жандармерія, лишь бы обеспечить фабрикантамъ спокойствіе и доходы. И не въ одномъ Кieвѣ такие фабриканты, не въ одномъ Кieвѣ такіе жандармы. Вездѣ, гдѣ рабочіе вступаютъ въ борьбу съ хозяевами, будетъ-ли это въ Kievѣ или въ Петербургѣ, въ Москвѣ или Варшавѣ, въ Ярославлѣ или въ Одессѣ, Бѣлостокѣ или Домбровѣ, — вездѣ начальство и власти спѣшатъ къ фабрикантамъ съ содѣйствіемъ и помощью. Исполненные любезности по отношенію къ капиталистамъ, полицейские пристава, полиціймейстеры и жандармскіе генералы поступаютъ такъ же, какъ и высшее начальство — губернаторы, генералъ-губернаторы и министры. Всѣ они, все правительство — всегда къ услугамъ фабрикантовъ, всегда противъ рабочихъ.

Многимъ рабочимъ, конечно это было известно и раньше. Кто изъ сознательныхъ рабочихъ не знаетъ, что правительство только потому наказываетъ за стачки, чтобы не лишать фабрикантовъ дешевыхъ и послушныхъ рабочихъ? Не затѣмъ-ли оно запрещаетъ печатать, распространять и читать книжки, описывающія нужды рабочихъ и средства борьбы съ хозяевами, чтобы не мѣшать капи-

талистамъ поживиться на счетъ рабочихъ? Не затѣмъ-ли оно объявляетъ противозаконнымъ всякий рабочій союзъ, всякое собраніе, гдѣ рабочіе обсуждаютъ свое дѣло, чтобы препятствовать рабочимъ сговориться противъ хозяевъ? Не для того-ли слѣдятъ за рабочими и подслушиваютъ ихъ разговоры сыщики, чтобы сажать въ тюрьму гдѣ рабочихъ, которые учатъ своихъ товарищѣй бороться противъ обидъ и обмана? Лицемѣрное правительство иногда старается убѣдить рабочихъ, что оно хлопочетъ о нуждахъ рабочихъ, но всякий рабочій долженъ помнить, что оно заботится лишь о барышахъ ихъ притѣснителей.

Но вѣдь правительство — сила. Когда оно вступаетъ въ союзъ съ капиталистами, то съ такимъ врагомъ не легко справиться. Поэтому, можетъ быть, рабочимъ слѣдовало бы бросить мысль объ улучшениіи своей участіи и покорно переносить все, что не пошлетъ судьба, не пытаясь собственными силами завоевать для себя счастье?

Нисколько! Всегда и вездѣ, заграницей и въ Россіи, правительство стояло и стоять насторонѣ капиталистовъ, а между тѣмъ, заграничные рабочіе усиленно сократить рабочій день, повысить заработную плату и добиться такой свободы, о какой не имѣютъ даже понятія многіе русскіе рабочіе. А когда-то заграничнымъ рабочимъ жилося такъ же, какъ живется теперь русскимъ, и даже хуже. Всѣ улучшія, которыхъ они имѣютъ, не съ неба же къ нимъ свалились; они были достигнуты упорной и продолжительной борьбой. Вездѣ и въ Петербургѣ правительство помогаетъ капиталистамъ не хуже, чѣмъ въ Kievѣ: жандармы и сыщики слѣдятъ за рабочими не менѣе усердно, чѣмъ у насъ. Тѣмъ не менѣе, петербургскіе рабочіе устраиваютъ громадныя стачки, въ одной изъ которыхъ участвовало 35,000 чел., и призываютъ фабрикантовъ и само правительство къ уступкамъ. Наконецъ, и у насъ въ Kievѣ, какъ это и огорчаетъ капиталистовъ и жандармовъ, рабочіе собираются, читаютъ запрещенные книги и листки, устраиваютъ стачечныя кассы, празднуютъ 1-ое мая и заставляютъ хозяевъ исполнять ихъ требованія. А жандармы ничего не добились арестами и обысками. — Противъ правительства у рабочихъ то же средство, которымъ они борются съ хозяевами, т. е. союзъ. Когда сотни или тысячи рабочихъ устраиваютъ стачки, празднуютъ 1-ое мая, то правительство не можетъ ни посадить ихъ всѣхъ въ тюрьму, ни отдать всѣхъ подъ судъ, ни выселить изъ города. Когда лучшей жизни потребуютъ всѣ русскіе рабочіе — а въ Россіи рабочихъ миллионы — тогда не хватитъ на нихъ ни тюремъ, ни сыщиковыхъ, ни жандармовъ, и правительство будетъ вынуждено исполнить всѣ требованія.

Борьба русскихъ рабочихъ первоначально была направлена исключительно противъ хозяевъ. Это была борьба чисто экономическая: больше заработка, больше отдыха, большая справедливости, — вотъ и все, чего на первыхъ порахъ требовали русскіе рабочіе. Но правительство само поторопилось заявить рабочимъ, что оно — слуга капиталистовъ и врагъ рабочихъ. Оно бросило рабочимъ вызовъ къ

борьбѣ, и рабочимъ остается только принять этотъ вызовъ. Добиваясь уступокъ отъ капиталистовъ, рабочіе будутъ въ то же время вести войну противъ всѣхъ полицейскихъ и жандармскихъ хитростей и беззаконій, помогающихъ фабрикантамъ грабить и притѣснять рабочихъ. Всякая стачка, всякое рабочее собраніе, всякий союзъ будетъ средствомъ борьбы не только противъ капиталистовъ, но и противъ правительства, преслѣдующаго, въ угоду капиталистамъ, рабочіе союзы и стачки. Кромѣ борьбы съ хозяевами, борьбы экономической, рабочимъ приходится вступить въ борьбу съ правительствомъ — борьбу политическую. Хорошо сдѣлало правительство, сразу показавъ рабочимъ, чего отъ него можно ожидать. Всегда лучше иметь дѣло съ открытымъ врагомъ, чѣмъ сътайнымъ.

Итакъ, то, что за послѣдній годъ случилось въ Киевѣ, должно научить киевскихъ рабочихъ, что и для нихъ наступила пора подумать объ улучшении своего положенія. У нихъ есть сила. Сила эта заключается въ союзѣ. Эта сила доставить имъ побѣду и въ экономической, и въ политической борьбѣ, — за лучшую жизнь, за счастье.

Пусть же скорѣе придетъ то время, когда передъ могучей силой рабочаго союза дрогнутъ испуганныя сердца капиталистовъ и ихъ прихвостней, — жандармовъ, полицейскихъ и чиновниковъ.

КІЕВСКІЙ РАБОЧІЙ КОМИТЕТЪ.

Издание „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса“.

26-го ноября 1897 г.

Одесса, октябрь 1877 г. — Въ сентябрѣ произошла стачка портныхъ въ мастерской магазина готоваго платья М., гдѣ работаетъ 21 чел. Требовали увеличенія поштучной платы. Постояли полтора дня, и хозяева уступили.

С. Наволоки, Костромской губ. — 14-го мая 1897 г. на фабрикѣ тов. Волжской мануфактуры бумажныхъ и льняныхъ издѣлій Мандовскаго и Бакакина ткачи въ числѣ 1136 чел. (248 мужчинъ, остальное женщины), послѣ предварительного заявленія требованія объ увеличеніи заработной платы управляющему фабрикой Косаткину и директору фабрики Бакакину, прекратили работу на фабрикѣ. Рабочіе требовали: 1) увеличенія заработной платы на 20%; 2) установленія платы за простой станковъ, прошедшіе не по винѣ рабочихъ;

3) установленія платы за излишніе противъ расценка выработанные аршины; 4) увольненія управляющаго фабрикой. Администрація фабрики соглашалась удовлетворить второе и третье требованіе, но слушать не хотѣла о другихъ. Между тѣмъ, заработка плата на этой фабрикѣ невозможна низкая: осенью 1896 г. изъ 926 ткачей, работавшихъ полный мѣсяцъ безъ прогула, 410 чел. зарабатывали менѣе 9-ти руб. (минимумъ 4 $\frac{1}{2}$) остальные 9 руб. и выше. Мѣстное населеніе, еще не поравшее съ землею, мирится съ такимъ низкимъ заработкомъ, но пришлый людъ не могъ жить этой платой: послѣ дневной работы на фабрикѣ имъ приходилось ночью заниматься разгрузкой судовъ на Волгѣ.

Во все время стачки, продолжавшейся цѣлый мѣсяцъ (до 13-го іюня) и причинившей громадные убытки хозяевамъ фабрики, рабочіе вели себя спокойно идержанно, сознавая всю важность предпринятаго дѣла. Власти, не имѣя возможности арестовать мирныхъ рабочихъ, стали искать „зачинщиковъ“. Семь человѣкъ рабочихъ были привлечены къ судебному слѣдствію: трое, въ томъ числѣ одинъ изъ привлеченныхъ по представлению костромского губернатора Шидновскаго, были высланы административно по распоряженію мин. внутреннихъ дѣлъ за предѣлы костромской губерніи, съ запрещеніемъ жительства въ губерніяхъ съ фабричной промышленностью. Вернувшись къ работе рабочимъ плата была увеличена на 10%.

Варшава. — Въ ноябрѣ, въ теченіе одного и того же дня, прекратили работу: 90 рабочихъ на табачной фабрикѣ Поляковича и 15 позументщиковъ въ одной мастерской. Позументщики бросили работу по той причинѣ, что хозяинъ хотѣлъ замѣнить 10-часовой день 11-часовымъ. У Поляковича же стачка началась изъ-за того, что онъ ежемѣсячно вычитывалъ по рублю отъ заработка для покрытия ссудъ, выданныхъ имъ нуждающимся рабочимъ наканунѣ праздниковъ. Обѣ стачки кончились пораженіемъ рабочихъ.

Варшава. — Въ концѣ ноября здѣшній еврейскій „Соціальдемократической Комитетъ“ выпустилъ прокламацію въ количествѣ 1000 экз. ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ.

Варшава, ноябрь 1897 г. — 24-го октября въ Варшавѣ происходили студенческіе беспорядки. Поводомъ послужило слѣдующее: 3-го октября въ г. Вильнѣ былъ открытъ памятникъ Муравьеву-вѣшателю, назначенному въ 1863 г. литовскимъ генералъ-губернаторомъ для подавленія польского восстанія. Злѣйший врагъ свободы, Муравьевъ оказался прекраснымъ палачомъ и въ цѣломъ морѣ крови потопилъ всѣ лучшія надежды польскихъ патріотовъ. Нашлось, однако, въ варшавскомъ университѣтѣ шесть профессоровъ, шесть царскихъ холоповъ, пославшихъ въ день закладки памятника сочувственную телеграмму на имя виленскаго губернатора. Позорная телеграмма возмутила студентовъ. Они разослали, по этому, всѣмъ профессорамъ варшавскаго университета слѣд. воззваніе:

„Шесть профессоровъ варшавскаго университета совершили позорный поступокъ, котораго мы, студенты этого университета, не можемъ оставить безъ надлежащаго осужденія. Ко дню освященія мѣста для памятника Муравьева-вѣшателя они отправили въ Вильно телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Душою присоединяемся къ настоящему торжеству по поводу начатія постройки памятника великому государственному дѣятелю Россіи, гр. М. Муравьеву, освободившему сѣверо-западный край отъ польско-католическаго ига и утвердившему ту истину, что край этотъ былъ истинно русскимъ. Да будетъ всегда благословенна память великаго русскаго человѣка, графа М. Муравьева“.

Такъ вотъ человѣкъ, который съ дикимъ варварствомъ убивалъ десятки и сотни своихъ жертвъ, который тысячи семействъ лишилъ отцовъ, братьевъ и сыновей, вышагъ ихъ, разстрѣливая и ссылая въ Сибирь безъ

суда, человѣкъ, проклинаемый современниками, проклятый стократъ своими жертвами, осужденный лучшею частью общества, — такой человѣкъ заслужилъ себѣ благословеніе за все, что сдѣлалъ!!! Нѣть, это не великий русскій человѣкъ, это — позоръ собственного народа, позоръ всего человѣчества. Патріотизмъ можно почитать даже во врагѣ, но простое злодѣйство и кровожадность не найдутъ одобрѣнія среди людей, которые на днѣ совѣсти сохранили еще остатки человѣческаго достоинства. И вотъ, когда отъ дикаго акта честовданія этого изверга, отъ прославленія преступленія, соединенного съ издѣвателствомъ и глумлениемъ надъ населеніемъ, которому сей „вѣшатель“ далъ себя почувствовать, когда отъ этого акта съ омерзеніемъ и ужасомъ отвернулось громадное большинство русскаго общества, о чмъ свидѣтельствуетъ самый тотъ фактъ, что на „торжество“ изъ всей русской печати прислали своихъ представителей только „Свѣтъ“, „Московскія Вѣдомости“, и „Варшавскій Дневникъ“, органы, наиболѣе проникнутые отвратительнымъ духомъ чиновничества и пропаганды насилия и гнета, — здѣсь, въ Варшавѣ, среди профессоровъ университета нашлись шесть личностей, которая своею опошлѣвшою душою соединяются съ упомянутымъ „торжествомъ“.

„Воистину, больше позорить профессорское званіе немыслимо. Мы, нынѣ осуждая поступокъ этихъ господъ и находя для опредѣленія его одно только слово: „подлость“, обращаемся, прежде всего, къ остальнымъ профессорамъ университета, выражаемъ имъ соболѣзвованіе въ томъ, что они принуждены считать своими товарищами такихъ господъ, которые лишены всякаго нравственнаго достоинства и не заслуживаютъ названія не только профессора университета, но и вообще честнаго человѣка, и надѣемся, что профессора употребятъ всѣ старанія для устраненія изъ нашего университета этихъ господъ, опозоренныхъ и позорящихъ все, съ чѣмъ они соприкасаются. Вмѣсть съ тѣмъ обращаемся къ товарищамъ всѣхъ національностей и исповѣданій, призыва-

ихъ прервать съ этими господами всякия личные спошнія, возникающія на почвѣ университетской жизни и виѣ ея, а также стараться выставлять на видъ позорный поступокъ этихъ „жрецовъ чистой науки“. Вотъ ихъ имена: Кулаковскій, Карскій, Гrotъ, Смирновъ, Филевичъ и Зиловъ.

Студенты-поляки Варшавского университета.
Варшава, октябрь 1897 г. “

24-го октября на лекцію одного изъ этихъ шести профессоровъ явилось студентовъ болѣе обыкновенного, и при его появлениі аудиторія огласилась свистками и ругательствами. То же самое произошло и съ профессоромъ Зиловымъ. Когда послѣдній предложилъ студентамъ удалиться, то всѣ вышли съ шумомъ (осталось чел. 10). За эту исторію 150 студ. были преданы университетскому суду, который приговорилъ сто изъ нихъ къ исключенію изъ университета.

Брестъ-Литовскъ, ноябрь 1897 г. — Послѣ неудачной прошлогодней стачки слесарей изъ-за 10-часового рабочаго дня, казалось, что раб. движение въ Брестѣ заглохло. Между тѣмъ, во второй половинѣ текущаго года движение стало развиваться съ новой силой. Въ началѣ осени, въ разгарѣ сезонной работы, 200 рабочихъ портныхъ покинули работу, требуя 10-часового рабочаго дня и болѣе высокой поштучной платы. Недѣли черезъ двѣ-три всѣ портные, кромѣ одной мастерской, добились 10-часового дня. — Вскорѣ послѣ этого 50 столяровъ потребовали сокращенія рабочаго дня и повышенія платы. Три недѣли длилась ихъ стачка, но въ концѣ концовъ голодъ заставилъ ихъ сдаться. — Недавно бастовали также 650-700 работницъ на фабрикѣ гильзъ, требуя по 6 коп. вмѣсто 5 съ тысячи. Работницы побѣдили, и, благодаря конкуренціи между хозяевами, плата поднялась до 7 коп. съ тысячи.

Минскъ, ноябрь. — У насъ владѣльцы булочныхъ устроили союзъ для борьбы съ рабочими. Каждый членъ обязанъ вносить 5 руб. вступительныхъ и 20 коп. каждую недѣлю. Во время стачки они обязаны поддерживать другъ друга. — Въ переименованіи „Россія“ бастовали девять переплетчиковъ, вслѣдствіе безобразій на фабрикѣ. Хотя полиція арестовала на одинъ день семь рабочихъ, однако стачка была выиграна. — Въ концѣ сентября тутъ была стачка 45 щетинщиковъ на фабрикѣ Рейтнера. Они требовали повышенія платы на 50 коп. въ недѣлю. Стачка продолжалась болѣе мѣсяца. Въ результатѣ требованія рабочихъ были удовлетворены, но пять человѣкъ было уволено.

Минскъ, ноябрь. — Здесь арестованы по одесскому дѣлу рабочій (живописецъ) съ женой. Ихъ, вѣроятно, отправятъ въ Одессу.

Вильна, декабрь. — Изъ бывшихъ подъ арестомъ рабочихъ высланы въ отдаленные губерніи 25 чел., а чел. 18 трубочистовъ содержатся еще въ тюрьмѣ до окончанія слѣдствія о какомъ-то скандалѣ, произведенномъ ими тамъ-же. Поговариваютъ, что они будуть отправлены въ Сибирь. — Все это, очевидно, результатъ послѣдняго циркуляра мин. вн. дѣлъ.

Вильна, 18 декабря 1897 г. — У насъ теперь стачка котельщиковъ, требующихъ 10-часового рабочаго дня. Стачку вызвали хозяева, желавшіе ввести 13-часовый день. Они закрыли всѣ заведенія, увѣряя, что будутъ ждать, пока рабочіе сдадутся. Вообще среди здѣшнихъ предпринимателей началось движение противъ 10-час. рабочаго дня. По этому поводу здѣшняя соціальдемократическая организація выпустила прокламацію, которая была распространена среди большинства здѣшнихъ рабочихъ.

Вильна. — Одинъ изъ политическихъ, заключенный въ № 14 (такъ называется мѣстная тюрьма для политическихъ) передалъ черезъ конвойного солдата записку для сидящаго тамъ же товарища. Солдатъ передалъ

записку офицеру, а послѣдній жандарму. За такой „подвигъ“ солдатъ былъ награжденъ начальствомъ, а въ официальномъ приказѣ, прочитанномъ всему полку, значилось: „За вѣрное служеніе отечеству противъ враговъ награжденъ двумя рублями и получитъ повышение“. Солдатамъ, отправляющимся въ караулъ, каждый разъ напоминаютъ, что записки отъ арестованныхъ брать можно, но отдавать ихъ слѣдуетъ начальству. Такъ какъ большинство арестованныхъ евреи, то приказано порѣже посыпать солдатъ-евреевъ въ караулъ.

Вильна, январь 1898 г. — Царское правительство готовитъ намъ новую жестокость. По словамъ одного изъ мѣстныхъ прокуроровъ, проектируется прекратить выдачу казенныхъ пособій евреямъ, ссылаемымъ за политическія преступленія, въ виду ихъ многочисленности. Предполагается якобы также ухудшить тюремное содержаніе евреевъ-„политиковъ“.

Въ одномъ изъ городовъ **Сѣверо-западного края** 1-го января собралось 200 чел. рабочихъ, чтобы отпраздновать пятидесятилѣтіе появленія „Манифеста Коммунистической Партии“.

Бѣлостокъ, начало октября. — Въ началѣ августа въ Бѣлостокѣ была стачка рабочихъ мелкихъ фабрикъ и ремесленниковъ (портныхъ и т. д.) Забастовало до трехъ тысячъ, и на законномъ основаніи, т. е. каждый отдельно подавалъ за 2 недѣли заявленіе о прекращеніи работъ. Требовали сокращенія рабочаго времени. Единодушіе было удивительное; изъ общей кассы выдавались всломоществованія и т. д. Добились уступки: введенія 12-часового рабочаго дня вмѣсто 14 и 15 час. (напр., у портныхъ былъ 15-часовый рабочій день.)

Ковно, декабрь 1897 г. — Въ послѣднее время у насъ не было опредѣленного рабочаго дня ни въ одной профессіи. Работали обыкновенно отъ 8 утра до 11-12 ночи. Лишь въ послѣднее время рабочие начали борьбу за 12-часовый рабочій день. Первыми забастовали портные. Они добились сокращенія раб. времени до 12

часовъ въ день и повышенія платы. Въ другихъ стерскихъ рабочій день регулируется безъ стачекъ. Бастовали также и жестяники въ числѣ 30 человѣкъ. Они требовали 12-часовой работы, двухъ часовъ на обѣдъ и отдыхъ и повышенія платы. И здѣсь хозяева уступили, но черезъ двѣ недѣли донесли жандармамъ о стачкѣ, слѣдствіемъ чего былъ арестъ двухъ рабоч.

Вильковишки (Сувалкской губ), юль 1897 г. Письмо рабочаго. — Щетинное производство сосредоточивается преимущественно въ м. Вильковишкахъ и его окрестностяхъ. Большихъ фабрикъ нѣть. Каждый предприниматель входитъ въ непосредственное соглашеніе съ нѣсколькими мастерами, имѣющими свои мастерскія, гдѣ обыкновено работаетъ 5-20 человѣкъ. Есть и большія мастерскія, гдѣ работаетъ нѣсколько десятковъ человѣкъ. Всѣхъ рабочихъ-щетинщиковъ въ этой мѣстности около 2000; положеніе ихъ ужасное, не только вслѣдствіе патріархальной обстановки мѣстныхъ мастерскихъ, но и въ виду самыхъ условій этой отрасли производства, какъ одной изъ самыхъ вредныхъ въ гигіеническомъ отношеніи. Нынѣшней весной, въ началѣ апрѣля, около 600 рабочихъ рѣшили вступить въ борьбу за улучшеніе своего положенія и добиться 12-часового дня. Еще зимою они сговорились объявить стачку, но, услышавши послѣ Насхи, что спросъ на щетину на лейпцигской ярмаркѣ значительно понизился, они рѣшили отказаться отъ стачки, не надѣясь на удачный исходъ. Но фабrikанты вздумали ввести новыя условія, именно: 1) чтобы рабочій день продолжался 14 час.; 2) чтобы въ разсчетныя книжки вносилась только половина заработной платы. Разсчетъ былъ сдѣланъ такъ, чтобы выработка пуда щетины имѣ обходилась не болѣе двухъ рублей; еслибы выработка обходилась дешевле, фабrikанты предлагали излишекъ отъ двухъ рублей распределить между всѣми рабочими, пропорціонально количеству выработанной щетины. Рабочіе не могли на это согласиться потому, что началось бы такое бѣшеное

соперничество въ работѣ, что они потеряли бы всѣ свои силы. Когда подошелъ сезонъ работы (въ серединѣ апрѣля), и фабриканты заявили свои условія, рабочіе, числомъ около 600, отказались начать работу и забастовали. Фабриканты надѣялись, что черезъ недѣлю, когда рабочіе начнутъ голодать, они по одиночкѣ станутъ приходить просить работы, но они ошиблись въ разсчетѣ. Между рабочими нашлись энергичные люди, которые, хотя и съ большимъ трудомъ, организовали товарищѣ и ежедневно устраивали собранія, на которыхъ разъяснялась важность стачки, необходимость выдержки и значеніе ихъ въ борьбѣ для всѣхъ рабочихъ этого производства. Средствъ у нихъ также было достаточно; всѣ города, гдѣ имѣются рабочія организаціи, прислали имъ на помощь, и изъ Вильковишкѣ деньги разсылались въ окрестныя мѣстечки, гдѣ только были стачечники. Когда фабриканты замѣтили, что рабочіе серьезно держатся, они начали посыпать агентовъ въ разныя мѣстности Россіи для вербовки рабочихъ, но п въ этомъ они не имѣли успѣха, такъ какъ и рабочіе послали своихъ агентовъ всюду, гдѣ имѣются щетинныя фабрики въ Россіи, и тѣ не допускали товарищѣ єхать. Тамъ, гдѣ не было делегатовъ, съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовали письма. Только изъ Двинска прїѣхали пять рабочихъ, и, глядя на нихъ, нѣсколько мѣстныхъ рабочихъ пошли работать. Но это, конечно, было крайне мало; притомъ пзынникамъ приходилось часто очень круто отъ кулаковъ стачечниковъ. Тогда фабриканты пріѣгли къ всемогущему въ Россіи средству — къ взяткамъ: вся мѣстная полиція была подкуплена и принялась арестовывать рабочихъ, не приписанныхъ къ Сувалкской губерніи: забрали 15 чел., которыхъ назвали главарями бунта, и выслали этапнымъ порядкомъ, хотя при нихъ были законные виды. Кромѣ того, полиція составила фальшивые протоколы, въ которыхъ написано, будто стачечники нападали на другихъ рабочихъ съ пожами. Все это, конечно, очень озлобляло рабочихъ и еще болѣе возбуждало къ борьбѣ. Къ сожалѣнію, сред-

ства подходили къ концу. Прошло семь недѣль съ начала стачки, началась сильная нужда и съ нею борьба между отцами и дѣтьми, работающими для ихъ поддержки; молодые рабочіе питались впроголодь, ночевали въ сараляхъ, но все не хотѣли уступить силѣ. При всемъ томъ товарищи помогали, сколько могли; расходовъ было 20 руб. въ недѣлю, большая часть изъ нихъ разсыпалась по окрестнымъ мѣстечкамъ. Тѣмъ временемъ и фабриканты стали уступать, они объявили 13-часовый рабочій день и согласились вносить полную недѣльную плату въ разсчетныя книжки. Масса рабочихъ понемногу стали соглашаться на 13-час. день, съ двумя часами перерыва для обѣда, тѣмъ болѣе, что въ сравненіи съ прежними условіями, когда работали съ 6 утра до 10 и 12 вечера, это было большое облегченіе. Но то, чего съ такими жертвами и усилиями наконецъ добились рабочіе, было уничтожено администрацией: пріѣхавшій фабричный инспекторъ заставилъ фабрикантовъ разорвать подписаныя условія. Тѣмъ не менѣе, эта неудача не отнимаетъ энергіи у нашихъ товарищѣ; многимъ разъяснили, въ чёмъ дѣло, за ними придутъ къ сознанію другіе; за помощью, какъ правительственною, такъ и материальною, остановки не будетъ, и слѣдующая попытка, которую они навѣрное сдѣлаютъ, приведетъ ихъ къ побѣдѣ надъ эксплуататорами и ихъ защитниками. Не будемъ унывать!

Крынки. — Подъ вліяніемъ послѣднихъ стачекъ у кожевенныхъ фабрикантовъ явилась мысль обучить кожевенному дѣлу крестьянъ и воспользоваться ихъ дешевымъ трудомъ. Рабочіе рѣшили противиться этой уловкѣ хозяевъ. Когда одинъ изъ нихъ принялъ въ обученіе шесть чел. крестьянъ, рабочіе ушли съ его завода и нанялись къ другимъ хозяевамъ.

Если бы удался плать хозяевъ, заработка плата какъ рабочихъ, такъ и мастеровъ сильно понизилась бы. Поэтому мастера примкнули къ своимъ подручнымъ для совмѣстной борьбы противъ хозяевъ. Осенью, при

заключеніи новыхъ договоровъ, рабочіе не согласились на условія хозяевъ, работать отъ 6 утра до 8 веч., и забастовали; состоялось собраніе изъ нѣсколькихъ сотъ рабочихъ и мастеровъ, созванныхъ для выработки плана борьбы противъ хозяевъ. Когда собраніе кончилось, рабочіе устроили шествіе по одной улицѣ мѣстечка. Фабриканты перепугались и рѣшили обратиться за помощью къ правительству. Къ губернатору они обратились съ просьбою прислать въ мѣстечко роту солдатъ и нѣкоторое количество полицейскихъ для защиты мѣстечка отъ бунтовщиковъ-рабочихъ. Исправнику они представили списокъ этихъ „бунтовщиковъ“. Исправникъ немедленно пріѣхалъ, созвалъ указанныхъ въ спискѣ рабочихъ и отнялъ у нихъ паспорта, потомъ выслалъ изъ мѣстечка какъ бродягъ, чтобы-де не бунтовали рабочихъ. Высланные обратились съ жалобой къ фабричному инспектору, тотъ имъ отвѣтилъ, что они сами виноваты, слѣдовало работать отъ 5 ч. утра до 8 ч. веч.

Будучи въ мѣстечкѣ, исправникъ зашелъ на одну фабрику и произнесъ рабочимъ рѣчь. Онъ говорилъ, что рабочіе не должны дѣлать стачекъ, а въ случаѣ неудовольствій непосредственно обращаться къ нему, исправнику, онъ ихъ разсудитъ съ хозяиномъ. Тогда одинъ рабочій выступилъ съ жалобой на хозяина, что тотъ не платить ему во время денегъ. „Это не мое дѣло“, отвѣтилъ исправникъ. Когда же рабочій сталъ его спрашивать, почему арестуютъ невинныхъ людей, его товарищей, исправникъ прикрикнулъ на него и велѣлъ молчать. Тутъ рабочіе наглядно убѣдились, что исправникъ не годится въ третейскіе суды для разбора неудовольствій между рабочими и хозяевами. Хорошъ третейскій судья, отказывающійся разбирать жалобы рабочихъ и кричащий на нихъ!

Наконецъ, пришла въ Крынки рота солдатъ, солдаты были и арестовывали всякаго встрѣчного рабочаго. Они ворвались въ синагогу, выбросили оттуда священные книги и сдѣлали изъ нея казарму. Это была синагога рабочихъ. Тогда рабочіе, въ свою очередь, ворвались

въ синагогу хозяевъ и остановили богослуженіе. Фабриканты обратились къ полиціи, которая и разогнала рабочихъ. Звѣрское поведеніе солдатъ объясняется приказомъ, полученнымъ ими отъ офицеровъ. Когда они входили въ Крынки, офицеръ имъ сказалъ, что они идутъ въ городъ, наполненный бунтовщиками; это — внутренне враги государства, и обязанность солдатъ — охранять отечество и царя-батюшку. По дорогѣ въ Крынки солдаты чуть не плакали: они думали, что ихъ ведутъ на войну. Такъ какъ рабочіе, не смотря на всѣ преслѣдованія со стороны правительства, не становились на работу, то фабриканты выписали нѣсколько человѣкъ рабочихъ изъ сосѣднихъ городовъ. Стачечники избили одного пріѣзжаго рабочаго. Фабриканты указали полиціи четырехъ рабочихъ, участвовавшихъ въ пѣшеніи пріѣзжаго. Одинъ успѣлъ бѣжать, а троихъ арестовали. Слѣдователь, которому было передано это дѣло, рѣшилъ выслать ихъ по этапу на родину. Рабочіе отказались идти пѣшкомъ и потребовали подводу. Имъ подали подводу и повезли. Всѣ рабочіе провожали ихъ на разстояніи двухъ верстъ, пѣли рабочія пѣсни и прощались съ товарищами. Послѣ этихъ проводовъ былъ арестованъ одинъ рабочій-христіанинъ, указанный хозяевами, какъ бунтовщикъ. У него нашли одну нелегальную книжку и отправили въ Гродненскую тюрьму. Число пріѣзжихъ рабочихърасло съ каждымъ днемъ, наконецъ, достигло 100 чел. Фабриканты брали рабочихъ, гдѣ могли, давали имъ по 50-100 руб. впередъ, плату назначали по 6 руб. въ недѣлю. Благодаря пріѣзду рабочихъ со стороны, мѣстнымъ рабочимъ пришлось пойти на уступки. Когда они хотѣли всѣ приняться за работу, фабриканты сказали, что они не могутъ прогнать пріѣзжихъ, да къ тому же они не хотятъ принять на работу нѣкоторыхъ. Они составили списокъ 60 рабочихъ, которыхъ они не хотѣли принять обратно. За недостаткомъ денегъ и благодаря пріѣзду рабочихъ со стороны, стачечникамъ пришлось согласиться на эти условія. Такимъ образомъ, 60 человѣкъ

сидятъ теперь безъ работы. Когда стачка уже кончилась, полиція арестовала по доносу фабрикантовъ еще трехъ рабочихъ, которые будто бы были пріѣзжихъ. Эти трое до сихъ поръ сидятъ въ тюрьмѣ.

Домброво (Петроковской губ.). — Еще разъ прогремѣла слава русскаго побѣдоноснаго оружія, прогремѣла, разнеслась по бѣлу свѣту и глубоко запала въ душу каждого рабочему. Русскихъ воиновъ было всего одинъ полкъ, а непріятелей болѣе 4-хъ тысячъ. И кто же были эти непріятели? Это были мирные рабочіе завода „Гута Банкова“, находящагося въ мѣстечкѣ Домброво.

При „Гутѣ Банковѣ“ существовала касса взаимопомощи, составленная изъ взносовъ, взимаемыхъ съ рабочихъ. Директоръ „Гуты“ Гартингъ произвольно распоряжался деньгами, бывшими въ кассѣ, не отдавая, вопреки закону, отчета въ состояніи кассы и не допуская контроля надъ нею со стороны рабочихъ. Деньги шли на личные расходы Гартинга, на содержаніе больницъ и врачей, а рабочимъ въ случаѣ увѣчій и болѣзни выдавались жалкіе гроши. 2-го сентября 1897 г. 2000 рабочихъ, вызвавъ Гартинга и окружного инспектора Кондратовича, потребовали возвращенія взятыхъ у нихъ на кассу денегъ и замѣкы директорскихъ правилъ постановленіями, утвержденными министромъ. Директоръ и инженеръ обѣщали отвѣтить черезъ двѣ недѣли. За это время Гартингъ, то хитростью, то любезностью пытался примприть съ мыслью, что денегъ имъ не придется получить. Раньше славившійся своею грубостью, онъ вдругъ сталъ называть рабочихъ „милыми дѣтьми“, „дорогими господами“. О деньгахъ онъ говорилъ, — то что они высланы въ Варшаву, то что онъ ихъ памѣренъ пожертвовать на костель. Рабочіе однако оставались твердыми въ своемъ рѣшеніи не допускать явнаго грабежа своихъ трудовыхъ денегъ. Гартингъ увидѣлъ, что выручить его могутъ одни жандармы. Онъ обратился къ нимъ за дружеской помощью и получилъ ее. Въ ночь на 15 сентября было арестовано 8 рабочихъ.

Гартингъ, повидимому, полагалъ, что этотъ арестъ запугаетъ рабочихъ и лишитъ ихъ „подстрекателей“. Однако же и на этотъ разъ опять промахнулся въ своихъ расчетахъ. На слѣдующій день всѣ рабочіе бросили работу, обѣщаю вернуться къ ней лишь послѣ освобожденія арестованныхъ товарищѣй. Въ тотъ же день, 15-го сентября, въ Домброво прибылъ начальникъ уѣзда съ казаками, 17-го сентября — еще двѣ роты и вице-губернаторъ и, наконецъ, 18-го — помощникъ генералъ-губернатора жандармскій генералъ Онопріенко. Нѣкоторые рабочіе полагали, что Онопріенко пріѣхалъ разобрать дѣло по справедливости, но жандармскій генералъ не замедлилъ доказать, что разсчитывать на заступничество и справедливость жандармовъ — величайшее заблужденіе со стороны рабочихъ. Начальникъ уѣзда Данильчукъ велѣлъ собраться рабочимъ къ 5 ч. вечера передъ конторою. Толпу рабочихъ, женщинъ и дѣтей съ двухъ сторонъ окружило войско. Начальникъ уѣзда прочелъ имъ объявленіе правленія „Гуты“ объ увольненіи всѣхъ рабочихъ за самовольное оставленіе работы. Затѣмъ объявленіе было прочтено вторично, и Данильчукъ сталъ уговаривать толпу, и особенно женщинъ и дѣтей, разойтись по домамъ. Онъ прочелъ объявленіе еще разъ, и послѣ этого раздалась первая команда. Толпа немножко отодвинулась. Послышалась вторая команда и холостой залпъ. Рабочіе стали медленно расходиться: выбраться изъ узкаго проулка было не легко. Онопріенко крикнулъ: Или! На землѣ лежало трое убитыхъ и 4 тяжело раненыхъ.

Правительство нашло, что оно оказалось еще слишкомъ недостаточной помошью проворовавшемуся Гартингу. 19-го сентября Петроковскій губернаторъ Миллеръ объявилъ, что если рабочіе не примутся за работу, то будутъ высланы: иностраные подданные за границу, а русскіе подданные — на родину. Заграницы рабочіе тотчасъ же возвратились въ „Гуту“, а за ними и всѣ остальные. Рабочимъ было объявлено, что деньги изъ кассы взаимопомощи уже не принадлежатъ имъ. 50 ра-

бочихъ арестовали. Прокуроръ, прибывшій нѣсколько дней спустя, сталъ допрашивать рабочихъ, разыскивая между ними „зачинщиковъ“.

А Гартингъ не нарадуется на такое ловкое обращение рабочей кассы въ личную собственность. Губернаторъ, вице-губернаторъ, начальникъ уѣзда и жандармскій генераль продолжаютъ занимать свои должности, ищутъ новыхъ жертвъ своему произволу, берутъ взятки и ждутъ орденовъ и отлпчій.

Рабочее движение заграницей.

Стачка сельскихъ рабочихъ въ Венгрии. — Среди стачекъ, которыми въ Западной Европѣ былъ такъ богатъ 1897 годъ, не послѣднее мѣсто по интересу занимаетъ происходившая лѣтомъ прошаго года стачка сельскихъ рабочихъ въ Венгрии, съ исторіей возникновенія и теченія которой мы вкратцѣ познакомимъ нашихъ читателей.

По мѣрѣ того, какъ крупныя хозяйства венгерскихъмагнатовъ проникались капиталистическимъ духомъ, и въ нихъ, ради увеличенія сбыта хлѣба заграницу, усиленно вводились машины, — увеличивалось въ странѣ и количество сельскихъ рабочихъ, не находившихъ работу, а это вело къ ухудшенію положенія и тѣхъ рабочихъ, которые имѣли работу. Остатки старого феодального строя — получение платы за трудъ, вмѣсто денегъ, натурою и обязательство работать нѣсколько дней бесплатно на помѣщика — становились тѣмъ тѣгостнѣемъ для рабочихъ. Неудовольствіе среди нихъ росло и выражалось рядомъ столкновеній съ управляющими имѣній, которая нерѣдко кончались тѣмъ, что для усмиренія „бунтовщиковъ“ являлось войско, причемъ дѣло не обходилось безъ раненыхъ и убитыхъ. Прида къ убѣжденію, что скопляющіеся въ большомъ количествѣ въ крупныхъ имѣніяхъ венгерскіе рабочіе, уже ведущіе ожесточенную стихійную борьбу противъ своихъ эксплуататоровъ, представляются благопріятной почвой для соціальдемократической пропаганды, городскіе венгерскіе рабочіе, организованные въ венгерскую соціальдемократическую партію, сдѣлали въ 1890 и 1891 годахъ первыя попытки устраивать въ деревняхъ среди рабочихъ союзы и образовательные клубы. Скоро, однако, венгерское прави-

тельство, воспользовавшись тѣмъ, что во время празднованія 1-го мая 1892 г. въ нѣкоторыхъ селеніяхъ произошли беспорядки, объявило всю венгерскую низменность въ осадномъ положеніи (венгерская низменность, это — житница Венгрии, занимающая двѣ трети пространства этой страны), оно перестало разрѣшать устройство новыхъ Союзовъ, воспрещало собранія, конфисковало брошюры, предназначенные для агитации, арестовывало и высылало въ родныя селенія рабочихъ, появлявшихся въ чужихъ деревняхъ для пропаганды, подвергало подозрительныхъ рабочихъ без счетному ряду обысковъ. Правительственный репрессіи повели, однако, къ тому, что мѣсто открытыхъ организацій сельскихъ рабочихъ застутили тайны. Типъ тайныхъ организацій, распространенныхъ въ венгерской низменности, почти вездѣ слѣдующій. Въ каждомъ селеніи, охваченномъ движениемъ, имѣется тайный Совѣтъ изъ 11 человѣкъ, избранный на годъ. Члены этого Совѣта обязаны снабжать тѣхъ рабочихъ, которые считаются членами соціальдемократической партии, газетами и книгами, а также заботиться о томъ, чтобы они собирались разъ или два раза въ недѣлю для совмѣстнаго чтенія и обсужденія прочитанного (во время этихъ же собраній дѣлаются сборы на дѣла партіи). Съ введеніемъ осаднаго положенія, массовые собранія, бывавшія прежде, — иногда и подъ открытымъ небомъ сходились до 10-12 тысячъ человѣкъ, — сдѣлались невозможны; теперь сходятся тайно въ избѣ какого-нибудь товарища по 20-30 чел., но въ одинъ и тотъ же день на всемъ пространствѣ венгерской низменности происходитъ много тысячъ небольшихъ сходокъ. Когда члены тайныхъ соціальдемократическихъ Совѣтовъ удаляются для работы въ другія деревни, они обязаны заботиться о томъ, чтобы и въ новомъ мѣстѣ ихъ жительства находила распространеніе агитационная литература. Рабочіе же, которые временно не имѣютъ работы, специально посвящаютъ себя переворачиванію изъ деревни въ деревню съ цѣлью пропаганды и создания соціальдемократическихъ организацій въ различныхъ деревняхъ. Благодаря неутомимой пропагандистской дѣятельности со стороны передовыхъ сельскихъ рабочихъ Венгрии, движение среди этихъ рабочихъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ приняло такие размѣры, что въ началѣ настоящаго (1897) года оказалось возможнымъ созвать специальный конгрессъ сельскихъ рабочихъ Венгрии. Этотъ конгрессъ, помимо требованій, выставленныхъ въ специальныхъ интересахъ сельскихъ рабочихъ, выставилъ также и требование следующихъ политическихъ правъ: всеобщаго и равнаго избирательного права для выборовъ въ парламентъ, полной свободы печати, союзовъ и собраній, свободы для каждого безпрепятственно селиться во всѣхъ мѣстахъ страны, причемъ мѣстная власти должны быть лишены права высылать неудобныхъ для нихъ пришельцевъ изъ другихъ мѣстностей. Рѣшено было также издавать специальный органъ, посвященный интересамъ сельскихъ рабочихъ, который съ 1-го мая и началъ выходить два раза въ мѣсяцъ. На этомъ конгрессѣ, между

прочимъ, впервые получила осознательную форму мысль о всеобщей стачкѣ сельскихъ рабочихъ во время жатвы. Такъ, делегатъ города Орошаза, особенно сильно зараженного социалистическимъ ядомъ, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Сельские рабочие требуютъ своего права, и пусть господа берегутся! Мы здѣсь собрались изъ многихъ деревень и, если мы скоро не будемъ имѣть общее избирательное право, то во время жатвы отъ насъ пойдетъ лозунгъ: мы не жнемъ до тѣхъ порь, пока не получимъ своего права!“ Въ другихъ рѣчахъ, которые были произнесены на этомъ конгрессѣ, встрѣчались прямые указания на то, что жатва настоящаго года можетъ дать случай показать, какою силою они располагаютъ, если рѣшатся дружно выступить за общіе интересы.

Эти рѣчи съ указаніями на возможность стачки во время ближайшей жатвы сильно встревожили венгерскихъ землевладѣльцевъ. Въ сельскохозяйственныхъ обществахъ, въ представительныхъ провинциальныхъ собраніяхъ и въ парламентѣ усиленно обсуждались репрессивныя мѣры, могущія предотвратить стачку или хоть помѣшать ей широко распространиться, и венгерское правительство поспѣшило на помощь близкимъ его сердцу крупнымъ землевладѣльцамъ.

Изъ гористой Словеніи, гдѣ рабочее движение находится еще въ начаточномъ состояніи, правительство созвало до десяти тысячъ рабочихъ, которыхъ оно стянуло въ Мезегіесѣ, центральномъ пункѣ венгерской низменности, гдѣ оно содержало ихъ на казенный счетъ съ тѣмъ, чтобы разсыпать въ тѣ имѣнія, въ которыхъ нанившіеся жнецы не являются для уборки хлѣба. Для доставки ихъ на мѣста, гдѣ они могутъ понадобиться, желѣзнодорожными управлѣніемъ было предписано держать все время на-готовѣ специальные поѣзда. Въ томъ же центральномъ пунктѣ земледѣлія все время были сосредоточены въ большомъ количествѣ солдаты и жандармы, которые должны были каждую минуту быть готовы двинуться туда, гдѣ понадобится усмирять строитивыхъ рабочихъ. Эти экстраординарныя мѣры не могли, однако, помѣшать тому, что въ концѣ іюня, когда началась жатва въ разныхъ имѣніяхъ, разбросанныхъ болѣе, чѣмъ въ половинѣ всѣхъ комитатовъ (областей) венгерской низменности, въ общемъ до 15 тысячъ жнецовъ отказались приступить къ условленной работѣ, выставляя слѣдующія требованія: сокращеніе рабочаго дня до 12 часовъ, отмѣна барщины, увеличеніе доли въ жатвѣ, получаемой жнецомъ, и повышеніе платы за молотьбу до 2-3 гульденовъ (1 р. 60 к. — 2 р. 40 к.) въ день. Въ теченіе большей части іюля мѣсяца, пока продолжалась жатва, венгерская низменность превратилась въ настоящій театръ военныхъ дѣйствій. Деревенскія власти съ барабаннымъ боемъ созывали рабочихъ и въ присутствіи жандармовъ уговаривали ихъ приступить къ работѣ. Когда это не помогало, изъ Мезегіеса привозили подъ охраною войска запасныхъ рабочихъ для замѣщенія стачечниковъ, — подъ военною же охраною они работали: власти опасались, что словенцы будутъ подвергаться нападеніямъ со стороны стачечниковъ. Брошюры, пред-

назначенные для распространенія въ деревняхъ, конфисковались рабочихъ, которыхъ считали агитаторами, арестовали; подъ всему району уборки хлѣба ходили все время военные патрули по десяти человѣкъ, которые имѣли приказъ открыть огонь, какъ только имъ покажется, что рабочие хотятъ на нихъ напасть. Однако, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ солдаты имѣли поводъ стрѣлять въ рабочихъ, — причемъ нѣсколько рабочихъ было ими убито, въ большей же части района стачки, благодаря замѣчательному самообладанію организованныхъ рабочихъ, дѣло не дошло до столкновенія съ военною силою, отъ которой могли выиграть только враги рабочаго движения.

Несмотря, однако, на всѣ усилия, которыя были прияты венгерскимъ правительствомъ, стачка для большинства ея участниковъ окончилась удачно: требованія около десяти тысячъ рабочихъ были удовлетворены. Многіе землевладѣльцы опасались, что созванные правительствомъ изъ горныхъ мѣстъ словаки, не привыкшіе къ той быстрой работѣ, которая требуется въ крупныхъ хозяйствахъ Венгрии, не справятся во-время съ уборкой хлѣба, которому, вслѣдствіе этого, придется лишнее время оставаться на корню и подвергаться всѣмъ случайностямъ непогоды, отчего могутъ произойти большие убытки. Поэтому они предпочитали не прибѣгать къ содѣйствію словаковъ, а уступить своимъ рабочимъ.

Стачка имѣла однако важное значеніе не только для тѣхъ рабочихъ, которые имѣли отъ нея непосредственную пользу. Она была первою пробою силъ венгерского сельского пролетариата. Нѣть сомнѣнія, что мѣры, принятые правительствомъ, особенно созывъ имъ громаднаго штаба запасныхъ рабочихъ, отпугали многихъ отъ участія въ этой стачкѣ. То обстоятельство, однако, что, несмотря на всѣ правительственные мѣропріятія, двумъ третимъ стачечникамъ удалось улучшить стачкою свое положеніе, несомнѣнно должно ослабить въ будущемъ у рабочей массы страхъ передъ такими мѣрами. И если въ будущемъ произойдетъ новая стачка сельскихъ рабочихъ, то можно ожидать, что ихъ къ ней примкнетъ большее количество. Ясно, что чѣмъ больше число стачечниковъ, тѣмъ труднѣе найти для нихъ замѣstitелей. Еслибы въ настоящемъ году изъ 120 тыс. сельскихъ рабочихъ, имѣющихъ въ венгерской низменности, въ стачкѣ приняли бы участіе, какъ ожидалось, тыс. 60-70, то стянутаго правительствомъ штаба не достало бы для замѣщенія и одной пятой части стачечниковъ.

На основаніи того, въ какихъ мѣстахъ низменности участіе въ стачкѣ было большее или меньшее, передовыя сельскіе рабочіе Венгрии могутъ судить, гдѣ тайны рабочія организаціи сильны и гдѣ слабы или совершенно отсутствуютъ, и въ этихъ послѣднихъ мѣстахъ они въ настоящее время ведутъ усиленную пропагандорскую и организаторскую дѣятельность.

ХРОНИКА АРЕСТОВЪ

Воронежъ. — Въ ночь съ 8 на 9 декабря арестовано здѣсь 27 чел.: Лойко (служащая въ статистическомъ комитетѣ, бывшая восемь лѣтъ въ Сибири по Лопатинскому процессу, по возвращеніи оттуда была выселена въ Воронежъ, женщина лѣтъ 40-45), статистикъ Россляковъ, Ряховскій, Добряковъ, Сыцанко (40 лѣтъ, пробывшій въ Сибири 15 лѣтъ по дѣлу харьковской типографіи), желѣзнодорожные киторщики: Краль, Черенковъ, Чернышовъ и Часовниковъ, 45 лѣтъ, содержатель слесарной мастерской Ивановъ, Костомаровъ, Мазуренко и Петинъ (офицеры; Мазуренко — старый офицеръ). Испорченъ (желѣзнодорожный докторъ, лѣтъ 45) и одинъ служащий въ статистическомъ комитетѣ канцеляріи губернатора. Изъ рабочихъ известны двѣ фамиліи — Гусевъ (мѣдникъ) и Рыбаковъ (мастеръ электротехническаго отдѣла желѣзнодорожныхъ мастерскихъ) и еще десять человѣкъ. Черезъ нѣсколько дней взято еще шесть человѣкъ.

Прокуроръ отказывается вести дѣло за недостаткомъ уликъ, жандармскій полковникъ на вопросъ, почему взяты, отвѣчалъ: „По приказанію изъ Петербурга“. Но это ложь. Лѣтомъ два вновь присланыхъ на подкѣплѣніе жандармскихъ офицера обѣщались заварить дѣло, о которомъ заговорить вся Россія.

Москва. — Съ 11-го на 12-е, потомъ съ 20-го на 21-е декабря здѣсь были аресты. Взято нѣсколько рабочихъ и интеллигентовъ. Подъ Рождество, 20-го и 24-го декабря, были снова обыски и аресты. Мѣстного „Рабочаго Союза“ они не коснулись. Онъ крѣпнетъ и расширяется. Въ Орлѣ также были аресты.

Одесса. — Въ настоящемъ (1897) году у насъ было арестовано въ разное время около 40 чел. 7-го января арестованы: Бассовскій (интеллигентный рабочій; выпущенъ на поруки; обвиняется въ пропагандѣ среди рабочихъ), Пятецкій и Соколовъ (рабочіе; освобождены до суда). — Того же числа по другому дѣлу были арестованы: 4 Корнблюмъ (двѣ сестры и два брата; сестры обвиняются въ храненіи и распространеніи нелегальной литературы), Дора Койгенъ, Михайловскій (студентъ мѣстнаго университета), Боградъ (второй разъ), Коганъ (студентъ), Квачевъ (раб.) и Муромовъ (студ.). Всѣ выпущены на свободу до суда: одни отданы на поруки, другіе высланы на родину.

По тому же дѣлу были арестованы: 9-го января Дика Койгенъ, 5-го февраля — Саша Горовицъ, 6-го февраля — Маня Штейнбергъ, Анна Вельтманъ, Хаймовичъ, 12-го мая — Ткачъ. Всѣ освобождены до суда. — По третьему дѣлу арестованы: 7-го янв. Мойсей Винокуръ (второй разъ; обвиняется въ пропагандѣ и въ составленіи прокламаціи), Котовъ (сапожникъ), Поля Шифтейлинъ (швейка; обвиняется въ храненіи нелегальной литературы; выслана въ Староконстантиновъ до суда; 5-го февраля — Святковскій (мастеръ суперконстантиновъ); 7 фев. — Люткевичъ (сапожникъ), Яневичъ (консальянга золота); 7 фев. — Люткевичъ (сапожникъ), Яневичъ (кон-

дукторъ конки), столяры Букреевъ, Висоцкій и Василій Закревскій (заготовщикъ), Гимеровскій (третій разъ); былъ сосланъ въ Одессу изъ Варшавы), Ивановъ, Сердюкъ (вып.), Карниющинъ, Маркевичъ, Строгановъ, Новгородко, Сидоренко, Исковскій (слес.). 5 іюля — Зимэрэвскій (второй разъ; литографъ). По тому же дѣлу въ Витебскѣ 7 мая Храпуновичъ (кошелечникъ; освобожденъ 6 декабря до суда), 1 октября — Кейлеръ (живописецъ). — Упомянутыя дѣла разматриваются теперь въ послѣдней инстанціи, и рѣшенія по нимъ ждутъ со дня на день (см. ниже).

9-го сент. (новое дѣло) были арестованы: Финкельштейнъ, Макадзюбъ, Гринштейнъ и Левинская (модистка). Первые двое обвиняются въ перевозкѣ нелегальной литературы изъ Вѣнѣ, а Гринштейнъ — въ распространеніи ея, Левинская — по подозрѣнію въ соучастіи. Финкельштейнъ, будучи введенъ въ заблужденіе перекрестнымъ допросомъ и желая выгородить себя, выдалъ лицъ, снабдившихъ Макадзюба литературой въ Вѣнѣ, а также рассказалъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ это произошло. Себя же выставилъ лишь слѣвымъ орудіемъ. О мѣстѣ нахожденія литературы жандармерія не знала во время обыска. Послѣ допроса былъ произведенъ новый обыскъ, и сундукъ съ двойнымъ дномъ былъ найденъ. Литературу удалось распространить лишь въ небольшомъ количествѣ, остатокъ былъ также забранъ. Лица, снабдившія ихъ въ Вѣнѣ литературой, скомпрометированы.

Всего въ тюрьмѣ теперь болѣе 15 чел. 8 раб. изъ нихъ получаютъ ежемѣсячно по 5 рублей. Ощущается сильный недостатокъ въ деньгахъ, такъ какъ въ этомъ году были отправлены отсюда уже двѣ партіи ссылочныхъ. Полагаютъ, что къ началу 1898 года нужно будетъ снарядить въ Сибирь чел. 6-7 и нѣсколько чел. въ сѣверный губ. Необходимо также оказывать вспомоществованіе тѣмъ изъ нихъ, дѣло которыхъ находится еще въ первой инстанціи. Въ виду этого, мы обращаемся ко всѣмъ товарищамъ съ просьбой оказать намъ посильную помощь. — Въ декабрѣ привезенъ въ одесскую тюрьму изъ Киева нѣкій Берковскій. — 3-го дек. былъ арестованъ Боградъ для отбыванія наказанія; за вычетомъ 9 съ полов. мѣс. предварит. заключенія, ему остается сидѣть еще два съ полов. мѣсяца и два года ссылки въ неуниверситетскій городъ.

По приговору 24-го іюня (дѣло Розенблума, Айзенштадтъ, Койгена и др.) сосланы: Айзенштадтъ на 5 лѣтъ, Дмитрій Розенблумъ (рѣзникъ) и жена его Розалія Розенблумъ на 4 года, Койгенъ на 3 года, Мильманъ на 3 года, Дегтяренко (рабочій) на 2 года — въ Архангельскую губ. Орловскій, Вайнштейнъ и Ассъ (раб.) — 2 года „Креста“, засчитывается предварилка, такъ что придется отсиживать меньше года. Филиппъ Письменовъ (раб.), въ высшей степени симпатичный, цвѣтущаго здоровья до тюрьмы, проведши полтора года въ тюрьмѣ, нажилъ чахотку и былъ выпущенъ за нѣсколько дней до смерти. Кульчинскій (кандидатъ правъ), сожель съ ума

вследствие показаний, данныхъ по непрактичности жандармскому унтеръ-офицеру Милову. Брать Филиппа, Сергѣй Письменовъ, 2 м. тюрьмы и высылка, отецъ ихъ тоже приговоренъ къ высылкѣ; еще двое рабочихъ (имена неизвѣстны) 3 мѣс. тюрьмы и одному 4 мѣс. По этому же дѣлу арестованъ Полина Гордонъ, просидѣвшая годъ 8 мѣсяцевъ, отдана подъ надзоръ на 3 года; Фурманъ на полтора года и затѣмъ высылка.

Пѣсня ткача.

Грохотъ машинъ, духота нестерпимая,
Въ воздухѣ клочья хлопка;
Масломъ прогорклымъ воняетъ удушливо —
Да, жизнь ткача не легка.

Нитка порвалась въ основѣ канальская.
Эхъ! Распроклята снасть.
Сколько грѣха-то ты примешь здѣсь на душу,
Господи, Боже, такъ страсть.

Ахъ, да зачѣмъ же, зачѣмъ же вы льетесь
Горькия слезы изъ глазъ;
Дѣлу помѣха, основу попортите, —
Быть мнѣ въ отвѣтѣ за васъ!

Какъ не завидовать главному мастеру,
Что у окошка стоитъ,
Чай попиваетъ да гладитъ бородушку?
Знать на душѣ не болитъ!

Ласковъ на взглядъ, а пойди къ нему вечеромъ:
Станешь работу сдавать,
Онъ и коритъ, и бранитъ, и ругается,
Все норовитъ браковать.

Все норовить, чтобъ поменьше досталось
Нашему брату-ткачу.
Эхъ! Главный мастеръ, хозяинъ, надсмотрщикъ,
Жить, вѣдь, я тоже хочу....